

Мудрость молчания

К 50-летию со дня смерти писателя, ставшего предателем той страны, которую он собирался возвысить

Федор ВИНОГРАДОВ,
для «Новых Известий»

«Славой и позором Норвегии» называют на родине Кнута Гамсуна. У художника, мастерством которого восхищалось не одно поколение европейских знаменитостей (среди них были Томас Манн, Стефан Цвейг, Герман Гессе, Уэллс, Кафка и Брехт), художника, оказавшего огромное влияние почти на всех русских писателей начала века — Чехова, Бунина, Куприна, Блока и Бальмонта, сегодня нет ни музея, ни памятника. Усадьба в Нёрхольме, где Гамсун жил с 1918 года, закрыта для посетителей. До сих пор отношение норвежцев к гениальному соотечественнику сродни тому, какое было у нас к писателям первой волны эмиграции, — над ними долгие годы тяготело клеймо предательства. До самой смерти в усадьбу писателя приходили посылки: ему возвращали книги. Иные, подходя к дому, швыряли их через забор...

Почти все биографии Гамсуна начинаются с оправданий писателя, запятнанного себя связью с коллаборационистами в годы фашистской оккупации Норвегии. В июне 1945 года, после разгрома гитлеровской Германии, спасая репутацию художника национальной величины и одного из самых выдающихся деятелей отечественной культуры, имя которого было известно всему миру, власти Норвегии определили 86-летнего писателя в дом для престарелых, подвергнув его психиатрической экспертизе на предмет дееспособности.

В феврале 46-го генеральный прокурор, принимая во внимание преклонный возраст и глухоту писателя, снял с него обвинение в призыве к не оказанию сопротивления оккупантам. Таким образом, как считал обвиняемый, его лишили возможности доказать на суде свою невиновность. Бесконечные проволочки и откладывания судебного расследования, четырехмесячное пребывание в стенах психиатрической клиники подорвали здоровье писателя. Возмущенный действиями генерального прокурора г.Осло, Гамсун пишет ему письмо, где обвиняет судебные органы в некомпетентности. С первой минуты допроса, показывает Гамсун, он признал себя ответственным за свои поступки и до сих пор не отказался от своих слов, ибо был уверен, что, если ему будет предоставлена возможность говорить свободно, суд оправдает его и примет решение, «*по духу столь близкое к оправданию, что он сам отказался бы признать его правоту*».

Попытка объявить его сумасшедшим и снять тем самым с него ответственность за свои действия расценивалась Гамсуном как оскорбление. «*Я допускаю*», — пишет он, — *что мое имя незнакомо господину генеральному прокурору. Однако Вы могли обратиться за сведениями туда, где их можно получить. Вам наверняка рассказали бы, что я не совсем безвестен в мире психологии, что за свою долгую писательскую жизнь я создал многие сотни персонажей, причем и внутренне и внешне — по образу и подобию*

Кнут Гамсун. 1914 г.

людей из плоти и крови, они ходят на живых людей каждым состоянием и движением души, и в мечтах, и в постуках». Заканчивая письмо, Гамсун завещает прокурора, что в силу своей известности у себя в стране и во всем остальном мире его не устраивает перспектива оставаться до конца дней лицом, амнистированным государством, и не иметь возможности ответить за свои действия.

Согласно тонко составленному медицинскому заключению было признано, что обвиняемый не был душевнобольным в то время, когда совершал вменяемые ему в вину действия, но теперь, по выходе из больницы, признан человеком с необратимо ослабленной психикой, не представляющим опасности.

В своей последней книге «На заросших тропинках», охватывающей события с момента ареста до завершения судебного процесса, состоявшегося в июне 1948 года, Гамсун цитирует протокол заседания суда. Прежде всего он просит не рассматривать свое выступление как записку с его стороны. Он принципиально отказывается от защиты. Роль политического преступника столь для него необычна, что вызывает сравнение со «сказочным персонажем из книг русских писателей». За все время войны никто во всей стране ни разу не указал ему на предосудительность его действий, говорит Гамсун. Он был заперт в четырех стенах, получая доступную информацию лишь из газет «Фритт фолк» и «Афтенпостен», которые никогда не подвергали сомнению правоту его рассуждений. Пользуясь своим именем, он неоднократно об-

ращался к рейхскомиссару Тербовену с просьбами остановить создание концлагерей и отменить смертные приговоры. Писал ходатайства о помиловании по меньшей мере ста осужденных на смерть соотечественников, телеграфировал в канцелярию рейха, а также лично Гитлеру, Герингу и Гейбельсу. В конце концов Гитлер отказался рассматривать его обращение. Влияние этих телеграмм, по словам Гамсуна, не было ощутимым. Остались незамеченными и его предостережения в печати — избежать непродуманных действий, способных спровоцировать оккупационные власти.

По словам пресс-секретаря Гитлера — Дитриха, Гамсун был единственным, кто осмелился возразить фюреру. Во время знаменитой аудиенции, состоявшейся в июне 1943 года на вилле в Бергхофе после выступления на международном конгрессе литераторов и журналистов в Вене, писатель резко отстаивал перед диктатором интересы Норвегии, выступая против произвола Тербовена. По словам сына писателя, разговор с Гитлером, начавшийся в самой вежливой форме, в конце концов утратил всякую сердечность: это было настоящее столкновение, и кончилось тем, что нервы отца не выдержали.

Разочарование Гамсуна от встречи с фюрером надолго вселило в писателя чувство глубокой подавленности. Он плакал от досады, что миссия, на которую он возлагал столь большие надежды, не удалась. Однако на присутствующих немцев он произвел огромное впечатление. Еще ни один человек не осмеливался так от-

кровенно высказывать фюреру свое мнение. И это при том, что переводчик не решился перевести все, что было сказано Гамсуном.

На вопрос о впечатлениях от Гитлера писатель запальчиво ответил: «*Плевать я на него хотел! Он маленький, коренастый, и вообще у него вид подмастерья. Он все время говорил: я, я, я... И прочел мне какую-то длинную лекцию, из которой я ничего не понял. О какой-то железной дороге, которую он проложит от Тронхейма или где-то еще...*».

Стоя перед судом, обвиняемый признает, что, вместо того чтобы по примеру многих эмигрировать в Швецию или Англию, он вдохновенно боролся за независимость Норвегии, которой предстояло занять высокое место в ряду германских стран. Но деятельность Гамсуна, обескураженного поступком короля и правительства, по собственной воле оставивших страну, по его собственным словам, «*привела к тому, что в глазах и сердцах всех я оказался предателем той Норвегии, которую собирался возвысить*». «*Это моя потеря*», — заключает Гамсун, — *и я несу ее в своей душе. Я был изменником родины, как теперь говорят. Но я таковым себя не чувствовал, я таковым себя не осознавал и не осознаю себя таковым теперь. Я в высшей степени покоен за себя, совесть моя в высшей степени чиста*».

К Рождеству 1948 года Гамсун возвращается в Нёрхольм. Однажды на прогулке он встречает женщину, фотографирующую заснеженные деревья. И между ними происходит следующий разговор:

— Пока вы здесь забавляетесь, люди, наши соседи в Европе, умирают от голода. Вам это известно?

— Я читала об этом, — отвечает женщина.

— Вы читали.

— Да, а что мы можем сделать? Что вы сами делаете? Расскажите — я послушаю.

«*Я вынужден был промолчать*», — пишет Гамсун, — *я опустил взгляд, уставился в землю. Не знаю, может, я хотел замолвить словечко за себя и за всех других виноватых. Мы все виноваты. Нас миллионы виноватых*».

Последние страницы гамсунской прозы полны безмятежного смирения. Слова «*пусть так*», словно истомленный вздох, кочуют по его дневнику. Почти полная глухота, частичная потеря памяти и подверженность афазии (неспособность выражать свои мысли) приводят писателя к долгожданной тишине. «*Я приблизился к пониманию восточной мудрости, мудрости молчания. Четыре или пять моих чувств находятся в спячке, а шестое утратно навсегда. За что я премного благодарен генеральному прокурору*», — иронизирует Гамсун.

Последняя запись: «*Наполеон посетил Гёте. Был ли мир потрясен этим? Нисколько. Они поговорили между собой, но Наполеон торопился. И когда вышел после беседы, якобы высказался о Гёте одобительно: «Вот человек!»*. И все. Слово бы они и не встречались друг с другом. Но они тоже умерли. От чего бы и нам не умереть!».